DOI: 10.17117/na.2015.07.1401

Поступило в редакцию: 22.07.2015

<http://ucom.ru/doc/na.2015.07.1401.pdf>**Марьина О.В.****Специфика повествования от 3-го лица в русских художественных текстах 1990-х – 2000-х годов****Marina O.V.****The specificity of the narrative from the third person in the Russian literary texts of the 1990s – 2000s**

Повествование в художественных текстах, созданных на рубеже 20-21 веков, может быть безоценочным, как в драматическом тексте, может включать несобственно-прямую речь, может вестись от лица повествователя-рассказчика

Ключевые слова: повествовательные формы, безоценочное повествование, повествователь-рассказчик, несобственно-прямая речь

The narrative in literary texts, created at the turn of 20-21 centuries, can be non-judgmental, as in the dramatic text, may include double indirect discourse, can be carried out on behalf of the narrator

Key words: narrative forms, non-judgmental story, the narrator-storyteller, double indirect discourse

Марьина Ольга Викторовна

Доктор филологических наук, профессор
Алтайский государственный педагогический университет
г. Барнаул, Социалистический пр., 126

Marina Olga Viktorovna

Doctor of Philological Sciences, Professor
Altai state pedagogical university
Barnaul, Socialisticheskij ave., 136

На специфический характер организации повествования в современных художественных текстах – совмещение нескольких субъективных планов – указывает Т.Н. Маркова. По ее мнению, в художественных текстах наблюдается постоянное смещение позиций, в русле которых складывается художественное «говoreние» конца XX века. Отсюда – двунаправленный процесс объективного слова героя и субъективного слова повествователя [2, URL]. Автор считает, что данный процесс оксюморонен и синтетичен одновременно, т.к. в нем сливаются контрастные голоса повествователя и героя, позволяющие говорить об объективно-субъективной форме повествования, развивающей формы письма, разработанные предшествующей литературой нашего столетия.

Рассмотрим специфику повествования в текстах художественной прозы, созданных на рубеже XX – XXI вв.

Отстраненная манера повествования свойственна драматическим текстам, в которых авторские ремарки содержат сведения о месте, времени действия, героях. Например: С минуту ничего не происходило. Потом над столом пронесся уже знакомый Коломбине холодный ветерок, от которого всякий раз

перехватывало дыхание. Огонь свечей качнулся, а Офелия запрокинула голову назад, будто ее толкнула неведомая сила (Б. Акунин «Любовница смерти»). Фрагмент текста содержит информацию о том, кто участвовал в ситуации, о действиях героев. Единственное, что выдает не только повествователя, но и рассказчика, это то, как зовутся герои: Коломбина, Офелия – так обращаются к ним люди близкие, хорошо знакомые, или герои сами просят такого к себе обращения.

Безоценочное повествование выполняет функцию внутренней ремарки, когда необходимо ввести нового героя или перейти к новой сцене, расширить картину действия. Например: Так было надо. Застольно и подготовительно гудели – без громких разговоров, без всплесков отдельных голосов. Монотонное бормотание да звяканье стекла. Разливали водку. В дверях стояла Тишорт, бледная, с опухшим ртом и розовыми ноздрями, в черной майке с желто-оранжевой надписью. В кармане, в потной руке, она давно уже держала эту пластмассовую коробочку, и теперь настало время, когда она должна была ее предъявить (Л. Улицкая «Веселые похороны»). В данном случае повествователь называет деталь, появление которой изменит ход запланированного мероприятия: пластмассовая коробочка – это аудио кассета, на которой было записано обращение умирающего человека к близким людям.

Авторская ремарка в современных прозаических текстах может включать несобственно-прямую речь: Инну посадили за стол возле окна на шесть человек. Против нее сидела старушка с розовой лысинкой, в прошлом клоун, и замужняя пара. Он – по виду завязавший алкоголик. У него неровные зубы, поэтому неровный язык, как хребет звероящера, и привычка облизываться. Она постоянно улыбалась, хотела понравиться Инне, чтобы та, не дай Бог, не укра-ла ее счастье в виде завязавшего алкоголика с ребристым языком. Одета была как чучело, будто вышла в турпоход по болотистой местности (В. Токарева «Старая собака»). Несобственно-прямая речь – это оценивание главной героиней соседей по столу. Преобладание несобственно-прямой речи над авторской делает повествование более эмоциональным, непосредственным.

Несобственно-прямая речь включается в авторские отступления, с одной стороны, связанные с героями, с другой, – носящие обобщенный характер. Например: Внешне Инна была высокая блондинка. А внутренне – наивная хамка. Наивность и хамство – качества полярно противоположные. Наивность связана с чистотой, а хамство – с цинизмом. Но в Инне все это каким-то образом совмещалось – наивность с цинизмом, ум с глупостью и честность с тяготением к вранью. Она была не врунья, а вруша. На первый взгляд это одно и то же. Но это совершенно разные вещи. По задачам. Врунья врет в тех случаях, когда путем вранья она пытается чего-то достичь. В данном случае – это оружие. Средство. А вруша врет просто так. Ни за чем (В. Токарева «Старая собака»).

Повествователь знает о том, что происходило с героями в «прошлой», прежней жизни. Например: ...испустила Валентина высокий переливчатый и длинный вопль. Шлепнув себя по бедрам, она ловко заколотила ногами по грязному полу. Мотавшаяся по северным экспедициям, собиравшая осколки живой русской речи в Полесье, под Архангельском, в верховьях Волги, когда-то

она изучала фольклорные непристойности, как другие ученые – строение клеточного ядра или движение перелетных птиц. Она помнила частушки тысячами, вместе с диалектами и интонациями, во всех многочисленных вариантах, и стоило ей только разрешить себе открыть рот, как они слетали с языка, живые и неповрежденные, как будто только вчера с деревенской вечерки... (Л. Улицкая «Веселые похороны»). О событиях сообщает и сам повествователь, и рассказчик, которым может быть герой Алик (только ему и самой Валентине известны подробности её прошлой жизни).

По нашим наблюдениям, повествование в текстах рубежа XX – XXI вв. ведется преимущественно от лица повествователя-рассказчика: Допустим, в тот самый момент, когда белый указательный палец Дантеса уже лежит на спусковом крючке, некая рядовая, непоэтическая птичка Божия, спугнутая с еловых веток возней и топтанием в голубоватом снегу, какает на длань злодея. Кляк! Рука, естественно, дергается произвольно; выстрел, Пушкин падает. Какая боль! (Т. Толстая «Сюжет»). В начавшееся отстраненно повествование включаются элементы разговорной речи, не характерные для речи повествователя: сочетание «какает на длань злодея», слово «кляк». Ирония создается за счет соединения «высокого» «непоэтическая птичка Божия», «длань злодея» и не столько «сниженного», сколько обыденного «какает». С позиции Е.А. Иванчиковой, смешение форм повествования наблюдается в том случае, когда автор говорит вместе со своим героем, повествуя о нем. «Это сближает повествовательную форму от 3-го лица с формой от 1-го лица» [1, с. 96].

Повествователь-рассказчик знает о том, что происходит в душе героя в настоящий момент. Например: Нинка хотела его предупредить, чтоб он аккуратнее, от этих травяных растворов остаются отвратительные бурые пятна, но не успела. Он шел мимо нее, и она заметила, что он действительно совершенно выздоровел. Поправился и походка его прежняя, легкая и чуть разболтанная в коленях. И еще. Проходя мимо, он легко погладил ее по волосам, и не кое-как, а своим собственным давним жестом: разведя пальцы гребенкой, он запустил их Нинке в волосы, у самых корней, и прошел ото лба к затылку (Л. Улицкая «Веселые похороны»). Подробно описывается состояние героини, которая осталась совершенно одна в чужой стране, в чужом городе, без родных, без поддержки. Она (Нинка) везде ощущает рядом того человека, за которого вышла замуж, с которым приехала из России в Америку, который терпел все ее причуды, истерики и выполнял любые ее желания.

Рассказчик включается в повествование по ходу действия: он может высказывать свое мнение относительно происходящего, оценивать героев, их поведение и поступки. Нередко он сам является действующим лицом. В связи с этим самой распространенной конструкцией с чужой речью является конструкция с несобственно-прямой речью. Таким образом, повествование ведется сразу несколькими субъектами речи. Тем самым создается многоголосие, и одна и та же ситуация показывается под разным углом зрения, с разных позиций. Например: Все эти женщины тоже ходили в обуви от Балли, носили норковые шубы и часы Ориент, и Лидии было даже обидно, что для них это обыденная жизнь, и не могла же она им объяснить, что все они глупые домашние

куры, а она, Лидия, птица высокого полета, потому что они-то родились в Швейцарии, в куске сливочного масла, а она, Лидия, в избе с земляным полом и соломенной крышей, до пятнадцати лет ходила либо в валенках, либо босиком, а штаны первые завела уже в Москве, когда, по большому везению, попала в прислуги к хорошей барыне, а до того ходила без порток, как все белорусские крестьянки... (Л. Улицкая «Цю-юрихь»). Во фрагменте текста речь повествователя сливается с речью героини: сравнивая себя с теми, кто родился и вырос за границей, а не приехал туда (почти без знания языка) во взрослом состоянии, героиня доказывает себе самой и всем окружающим, что именно она-то и есть «птица высокого полета».

Итак, благодаря замечаниям повествователя-рассказчика, его неприкрытым оценкам относительно героев или происходящих событий, повествование в художественных текстах рубежа XX – XXI веков является непосредственным, непринужденным, «близким» читателю-слушателю, у которого в свою очередь формируется отношение не только к событиям и фактам, но и к тому, кто о них сообщает.

Список литературы:

1. Иванчикова Е.А. Язык художественной литературы: синтаксическая изобразительность. Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1992. 160 с.
2. Маркова Т.Н. Стилиевые тенденции в прозе конца XX века: специфика речевых жанров // Известия Уральского государственного университета. №27 (2003). Проблемы образования, науки и культуры. Вып. 14. Екатеринбург. 2003.
URL: proceedings.ru/

© 2015, Марьина О.В.

Специфика повествования от 3-го лица в русских художественных текстах 1990-х – 2000-х годов

© 2015, Marina O.V.

The specificity of the narrative from the third person in the Russian literary texts of the 1990s – 2000s